

ЗАПИСКИ
ИНСТИТУТА ИСТОРИИ
МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ РАН

№ 10

С.-Петербург
2014

ДОЛЬМЕН ДЖУБГА НА ЧЕРНОМОРСКОМ ПОБЕРЕЖЬЕ КАВКАЗА

В. А. ТРИФОНОВ

Ключевые слова: *Западный Кавказ, эпоха бронзы, дольмены, стелы, петроглифы, хронология.*

Keywords: *Western Caucasus, Bronze Age, dolmens, anthropomorphic stelae, petroglyphs, chronology.*

Осенью 2008 г. Западно-Кавказская экспедиция ИИМК РАН (Санкт-Петербург) завершила трехлетнее археологическое исследование уникального дольмена с петроглифами в пос. Джубга (Туапсинский р-н Краснодарского края). По месту расположения дольмен получил собственное имя «Джубга».

Географическое и топографическое расположение

Памятник расположен на северо-восточном склоне г. Ежик – на участке рельефно выраженного перехода склона в полого понижающуюся долину р. Джубга. Высота памятника над уровнем моря – около 15 м. Дольмен ориентирован фасадом на ВЮВ (азимут 100°), т. е. вниз по склону в долину Джубги: в этом направлении от памятника до правого берега реки около 360 м, до берега моря около 500 м.¹ Географические координаты дольмена: 44° 18',845 с. ш., 38° 41',715 в. д. (рис. 1).

В июле 1886 г. рядом с этим дольменом П. С. Уварова видела 2 разрушенных дольмена, расположенных «наискосок от первого» приблизительно в 10–12 шагах, и еще несколько в ближайших окрестностях (Уварова 1891: 52–55; 1904: 171–173). Таким образом, дольмен Джубга является только частью группы.²

История изучения и сохранность

Дольмен Джубга представляет собой уникальный памятник древней культовой мегалитической архитектуры Кавказа III тыс. до н. э. Исключительно оригинальная конструкция, размеры и степень сохранности выделяют этот памятник не только среди многочисленных дольменов Кавказа, но и, без преувеличения,

¹ П. С. Уварова отметила, что он стоит «среди глухой растительности, на холмах, недоступных весенним водам, приблизительно в шагах четырех от реки и в версте от взморья, на земле, принадлежащей генер. Астафьеву» (Уварова 1904: 22). Вероятно, здесь вкралась опечатка – не в четырех, в четырехстах шагах от реки (ср. Уварова 1891: 49).

² В 1970-е гг. при строительных работах на территории соседнего пансионата, приблизительно в 200 м к СВ от дольмена Джубга, был случайно обнаружен «подземный» дольмен с четырехугольным отверстием в фасадной плите (Анфимов 1982: 34–35). Вероятнее всего, этот дольмен, как и многие другие, расположенные ниже дольмена Джубга, оказался перекрыт речными отложениями в период значительного повышения уровня Черного моря. В приморской зоне это не единственный случай, когда расположенные на низких береговых террасах дольмены перекрывались аллювиальными отложениями. В подобной топографической ситуации оказались дольмены в долинах рек Агой, Колихо, Шепси и Псыбе (см. Zaitseva et al. 2013).

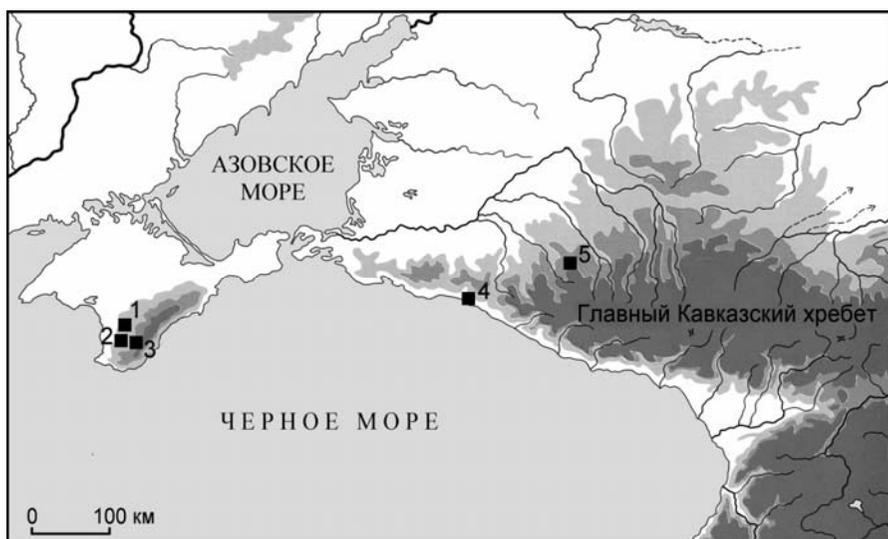

Рис. 1. Крым и Западный Кавказ, упоминаемые в статье памятники: 1 – Казанки; 2 – Ак-Чокрак; 3 – Верхоречье; 4 – Джубга; 5 – Царская (Новосвободная)
 Fig. 1. Crimea and Western Caucasus, map of sites: 1 – Kazanki; 2 – Ak-Chokrak; 3 – Verkhorechie; 4 – Dzhubga; 5 – Tsarskaya (Novosvobodnaya)

мегалитов мира. Архитектурное своеобразие этого дольмена было отмечено большинством исследователей кавказских мегалитов, а его описание было включено практически во все обобщающие работы о дольменах Кавказа, опубликованные в России и Западной Европе (Байерн 1871: 313; 1882: 12–13; Берже 1875: 3; Уварова 1891: 49–52; 1904: 171–172; Фелицын 1904: 12, 22; Сизов 1889: 4; Сорохтин 1915: 93; Лешенко 1931: 241; Спицын 1927: 67; Шамотульский 1967: 160–167; Марковин 1978: 35, 120; Chantre 1885: 53; Tallgren 1934: 5; и др.).

В 1886 г. П. С. Уварова, пораженная размерами и своеобразием памятника, частично расчистила внутреннее пространство двора дольмена, а также составила описание памятника, из которого следовало, что сложенные из массивных блоков двор и погребальная камера были окружены обширной по площади каменной конструкцией: «что-то вроде вала, <...> сложенного под насыпью довольно правильными рядами» (Уварова 1904: 172). Довольно подробное описание дольмена она привела и в своих «Путевых заметках» (Уварова 1891: 49–52). Уже тогда она отметила, что местные жители Джубги (кубанские «пластуны») причинили памятнику значительный ущерб.³ Однако небольшая, не доведенная до вымостки расчистка, сделанная П. С. Уваровой, не позволила выявить ни конструктивных особенностей двора, ни деталей общего плана памятника.

³ Указанный графиней Уваровой пролом в задней стене дольмена появился задолго до ее визита, и Фредерик Байерн, ранее осмотревший этот дольмен, полагал, что он служил «прибрежным шапсугам сторожевою будкою, для чего часть стены ими разрушена» (Байерн 1871: 313). Во времена графини Уваровой казаки-пластуны устроили внутри дольмена печь для выпечки хлеба, используя входное отверстие в фасадной плите как дымоход (Уварова 1891: 51). Еще в 1967 г. дольмен использовался как сарай (Марковин 1997: 295), но позднее пролом в задней стене дольмена был замурован, а прилегающая территория «облагорожена» и залита бетоном.

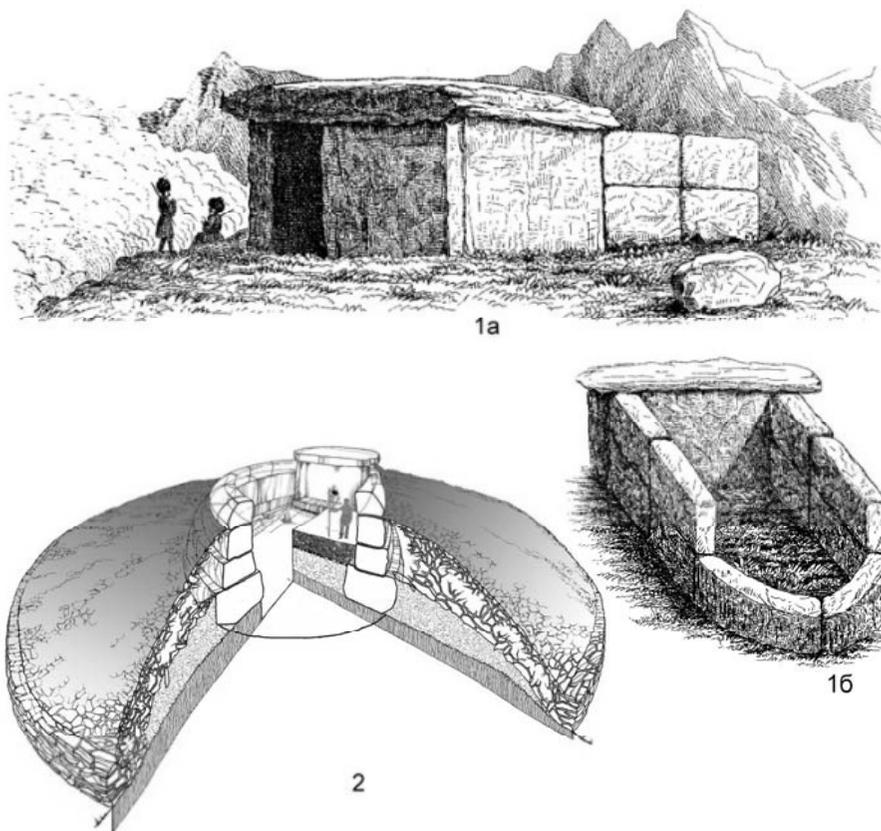

Рис. 2. Дольмен Джубга: 1а и 1б – рисунки Ф. С. Байерна (по Байерн 1871); 2 – графическая реконструкция дольмена по результатам археологических исследований, 2008 г.

Fig. 2. Dzhubga dolmen: 1a and 1b – drawings by F. S. Bayern (after Байерн 1871); 2 – graphic reconstruction of the dolmen based on archaeological evidence, 2008

За несколько лет до раскопок П. С. Уваровой памятник посетил известный кавказовед Ф. С. Байерн (1871: 312–315), опубликовавший краткое описание и рисунок дольмена. Этот рисунок является самым ранним известным изображением дольмена в Джубге (рис. 2). В 1889 г. хранитель археологического отдела Исторического музея (Москва) В. И. Сизов опубликовал рисунок этого же дольмена, сделанный несколькими годами ранее фотографом Михайловым «по указаниям г. Никитина» во время археологической разведки Черноморского побережья (Сизов 1889: 4, табл. I, 1).

В период между 1967 и 1976 гг. дольмен в Джубге несколько раз посещал выдающийся исследователь древних культур Кавказа В. И. Марковин (1978: 120, рис. 61), выполнивший архитектурные обмеры. Рисунки В. И. Марковина зафиксировали сохранность памятника, близкую к современному состоянию, – со многими утратами, которых еще не было в последней трети XIX в.

В 1976 г. дольмен осмотрел известный кавказский краевед, научный сотрудник Туапсинского музея М. К. Тешев. Им был составлен научный паспорт памятника.

Нужно признать, что описания и рисунки XIX и XX вв. заметно отличаются и даже противоречат друг другу в важных деталях, что не добавляет ясности в представления об архитектурных особенностях дольмена в Джубге.

В 1998–2005 гг. сотрудники Западно-Кавказской экспедиции ИИМК РАН неоднократно осматривали памятник. При составлении акта технического состояния были отмечены существенные разрушения, которые усугублялись активной хозяйственной деятельностью и массовым посещением дольмена неорганизованными экскурсантами, оставлявшими на нем «мемориальные» надписи. В этой ситуации от археологических работ требовались не только научные результаты, но и действенные меры по консервации дольмена. Нетривиальность задачи состояла в том, что при этом памятник должен остаться доступным и привлекательным экскурсионным объектом.

Задачи исследования, методика раскопок и фиксации

Современное состояние исследований показывает, что для выявления закономерностей формирования и развития практики культового мегалитического строительства на Западном Кавказе в эпоху бронзы не хватает, главным образом, конкретных, точно документированных наблюдений относительно конструкции и строительных приемов всего дольмена,⁴ а не только его погребальной камеры. Оказалось, что традиционная классификация основных строительных приемов в том виде, какой она представлена в основополагающей работе В. И. Марковина (Марковин 1978: 182–183), не позволяет свести все многообразие архитектурных и конструктивных форм дольменов к «плиточным», «составным» и «корытообразным». Возник даже заметный дефицит археологических терминов, пригодных для описания функциональных и конструктивных элементов мегалитических сооружений. Не говоря уже о том, что нет никаких более или менее достоверных оснований считать, что классификация В. И. Марковина фиксирует действительные хронологические различия в стиле и технике дольменного строительства. Другими словами, нужно признать, что ни внешний вид дольменов, ни результаты архитектурных обмеров не позволяют уверенно определить хронологическое соотношение между их различными архитектурными формами.

Парадоксальность ситуации состоит в том, что приходится возвращаться к казавшейся архаичной и избыточно детальной классификации дольменов, разработанной еще в конце XIX в. Д. Е. Фелицыным (Фелицын 1904: 14–15), а не к ее модернизированной версии Лаврова–Марковина (Лавров 1960: 102–103; Марковин 1978: 58–60) или альтернативной классификации А. Д. Резепкина (Резепкин 1988). Как показали археологические исследования последнего десятилетия, та часть классификации Д. Е. Фелицына, которая «не получила дальнейшего развития» (Марковин 1978: 59),⁵ на самом деле учитывала совокупность признаков, отражающих принципиальные аспекты дольменной архитектуры.

⁴ Конструктивно дольмен состоит из погребальной камеры и, чаще всего, дополнительных каменных и земляных конструкций, обеспечивающих ее сохранность и использование.

⁵ Модернизируя классификацию Д. Е. Фелицына, Л. И. Лавров, а за ним и В. И. Марковин из пяти групп «существенных» (по определению Д. Е. Фелицына) признаков сохранили только одну, различающую дольмены «по наружному виду, форме, величине, способу устройства и постановки вертикальных плит» (см. Фелицын 1904: 14).

Учитывая различия по «положению относительно горизонта земли» и «придаточным особенностям» (IV и V группы признаков), Д. Е. Фелицын зафиксировал неотъемлемые, в разной степени присущие всем дольменам функциональные элементы: одни обеспечивали сохранность погребальной камеры (каменные конструкции вокруг дольмена – «насыпи» и «курганы»), вторые предоставляли постоянный доступ к входу в погребальную камеру («дворы» и «коридоры» перед фасадом дольмена) (Фелицын 1904: 15). То, что В. И. Марковину в 1970-е гг. казалось «случайным и привнесенным» в дольменную архитектуру Западного Кавказа (Марковин 1978: 223), на самом деле было ее регулярным компонентом! На практике оказалось, что реальное разнообразие дольменов намного богаче канона традиционной классификации. Внешний вид дольмена в Джубге только усиливал это впечатление. Было очевидно, что оригинальность стиля и конструкции монументального памятника нельзя сводить только к строительным приемам погребальной камеры.⁶

Археологическое исследование дольмена Джубга было нацелено на всестороннее изучение функциональных связей между его отдельными конструктивными элементами – погребальной камерой, двором, насыпью и керном. Кроме этого, в фокусе исследования были проблемы датировки периода строительства дольмена и особенности его использования.

Основу проекта составляли полевые археологические работы с применением реконструктивной методики. Сущность методики состоит в тесной взаимосвязи детальной фиксации всех перемещенных и обнаруженных в ходе раскопок конструктивных элементов дольменов с идентификацией их первоначального положения и последующим возвращением большинства из них на прежние места. Такая методика не только обеспечивает сохранность, но и позволяет вернуть памятнику вид, относительно близкий первоначальному состоянию. Другим достоинством этой методики является возможность проверить на практике результаты виртуальной реконструкции, что, в свою очередь, с большей уверенностью позволит использовать подобное моделирование для памятников с невосполнимыми утратами. В отличие от реставрации, реконструктивная археология не предполагает полного устранения утрат и повреждений памятника, а также связанного с этим изготовления недостающих элементов, сооружения дополнительных укрепляющих конструкций, и тем более полной переборки дольменов, особенно фундаментов, если их повреждения не угрожают сохранности всей конструкции. Таким образом, в ходе археологических реконструктивно-восстановительных работ сводится к минимуму привнесение в конструкцию мегалитического памятника того, что чаще всего называют «новоделом».

К началу раскопок памятник представлял собой сложенный из больших обработанных плит песчаника, слегка трапециевидный в плане дольмен, к фасаду которого примыкал почти круглый в плане двор, обнесенный стеной из обработанных массивных каменных блоков. Дольмен и двор окружала насыпь, характер и истинные размеры которой до начала раскопок определить было невозможно из-за дорожных подсыпок, бетонного покрытия, газонного планирования

⁶ В. И. Марковин (1978: 120, рис. 61; 222–223) оценил оригинальность дольмена в Джубге, но, строго следуя принципам собственной классификации, рассматривал его как типично «плиточный». «Дворик» для него был любопытной, но редкой деталью, которой в типологии он пренебрегал.

и строительного мусора. Видимая площадь памятника составляла около 700 м² и была покрыта кустарником и деревьями.

План полевых работ предусматривал выполнение комплекса архитектурных обмеров дольмена и расчистку всей площади памятника для выявления его конструкции и стратиграфии. В зависимости от участка расчистка велась до уровня основных конструктивных элементов, материкового суглинка или, по мере необходимости, до подстилающего суглинок материкового щебня. Все конструктивные элементы памятника, виды, планы и разрезы зафиксированы в фотографиях и чертежах в масштабе 1 : 10.

Основные функциональные и конструктивные элементы

В самом общем виде дольмен Джубга представляет собой окруженную земляной насыпью и каменным керном мегалитическую погребальную камеру, к фасаду которой примыкает огражденный каменной стеной круглый в плане двор (рис. 3).

Дольмен (погребальная камера) представляет собой трапециевидную в плане и почти прямоугольную в вертикальном сечении постройку, сооруженную из 6 гигантских, тщательно обработанных и подогнанных друг к другу песчаниковых плит. Выступающие за пределы фасадной плиты торцы боковых плит, крыши и фундамента образуют портал, глубиной около 0,8 м. Дольмен ориентирован фасадом на ВЮВ (азимут 100°), т. е. вниз по склону в долину р. Джубга.

Фундамент (пол) дольмена сооружен из массивной, тщательно обработанной плиты, уложенной на специально подготовленную выровненную площадку, покрытую 10-сантиметровым утрамбованным слоем смеси суглинка и мелкого гравия. Размеры плиты: толщина – около 0,5 м, длина по фасаду – 3,7 м, длина в средней части достигает 4 м, ширина – 4 м, т. е. плита пола была почти квадратной формы 4 × 4 м.

На поверхности плиты выбито четыре широких (40 см), но неглубоких (1–1,5 см) паза с точной разметкой под фасадную, боковые и заднюю плиты. Участок пола в порталной части имеет наклон от фасадной плиты к краю плиты фундамента, образуя ливневую отсыпку с перепадом высот около 5 см. Между пазом под фасадную плиту и отсыпкой по всей длине фасада оставлен порог, высотой около 1 см и шириной около 15 см. Приблизительно такой же ширины и высоты порог оставлен вдоль внутреннего края пазов под боковые плиты. Во всех случаях пороги дополняли функцию отсыпки, предохраняя погребальную камеру от проникновения воды.

Стены погребальной камеры сделаны из 4 песчаниковых, тщательно обработанных плит. Фасадная плита слегка трапециевидной формы, размерами: высота – 1,9 м, длина основания – 3,05 м, длина верхнего края – 2,95 м, толщина плиты в основании и средней части – около 0,35 м, в верхней части – 0,32 м. Наружная поверхность плиты слегка выпуклой формы в вертикальном сечении. Такие же различия в толщине в средней части и на торцах плита имеет и в горизонтальном сечении.

В 0,32 м от нижнего края фасадной плиты на равном расстоянии от ее боковых сторон в плите сделано овальное сквозное отверстие, высотой 0,35 м и длиной 0,45 м. Край отверстия снаружи и изнутри сильно заглажен. Пробка от этого отверстия была обнаружена П. С. Уваровой во дворе дольмена «около самого

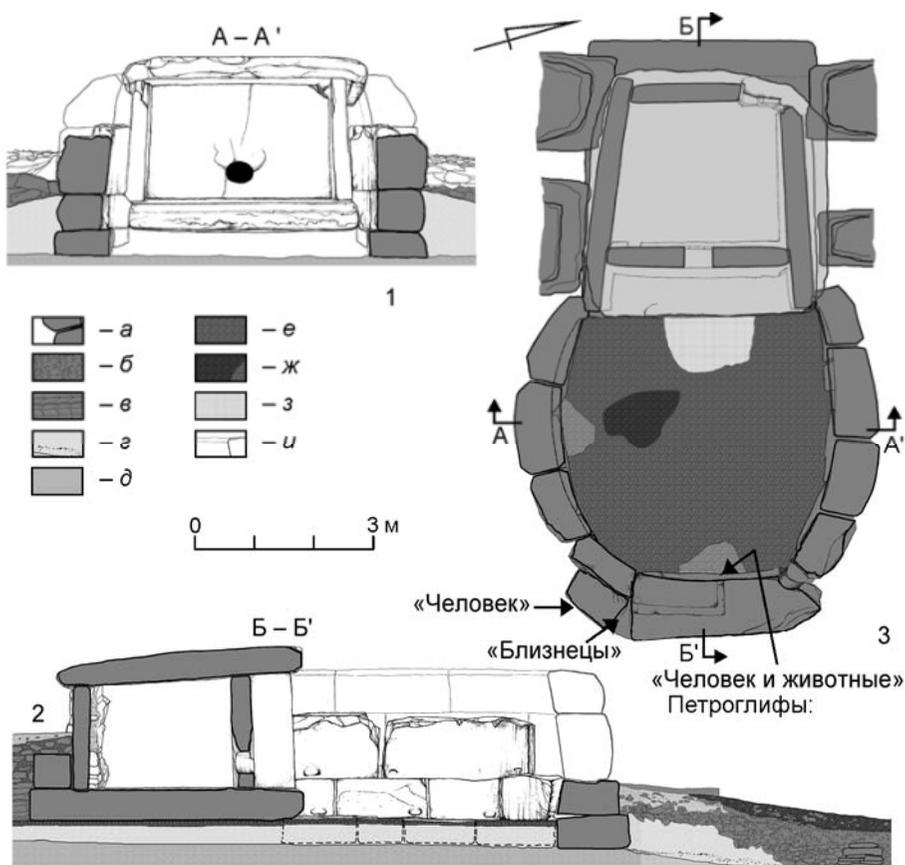

Рис. 3. Дольмен Джубга: 1 – разрез А–А', вид на фасад; 2 – разрез Б–Б'; 3 – план погребальной камеры и двора (*а* – строительные блоки дольмена; *б* – обломочник, керн; *в* – плитняк, подпорная стена керна; *г* – земляная насыпь, строительные отходы; *д* – материковый суглинок; *е* – галька, двор; *ж* – кострище, образцы ^{14}C ; *з* – заполнение грабительской ямы; *и* – утраченные блоки, стенки двора). Стрелками обозначены места расположения петроглифов

Fig. 3. Dzhubga dolmen: 1 – section A–A', front view; 2 – section B–B'; 3 – plan of the burial chamber and yard (*a* – building blocks; *б* – detrital material, core; *в* – slabstone, core retaining wall; *г* – earthen mound, building waste; *д* – native loam; *е* – gravel, yard; *ж* – fire-pit, ^{14}C samples; *з* – fill of the plundering pit; *и* – missing blocks, yard walls). Arrows show the position of petroglyphs

отверстия, лежащую параллельно с передней стенкой», но до нашего времени она не сохранилась. По ее описанию это была «пробка из белого песчаника, с головой в виде гриба, с выпуклостью на середине; высота всей пробки 15 вершков; высота головы 4 вершка; окружность стержня 1 аршин, 6 вершков; диаметр головы 12 вершков» (Уварова 1904: 172). В переводе на сантиметры размеры пробки составляют: длина – 66,6 см, высота грибовидного навершия – 18 см, диаметр навершия – 53 см, согласно длине окружности диаметр стержня – около 32 см, при этом его сечение могло быть как круглым, так и овальным. На наружной поверхности фасадной плиты вокруг отверстия заметны красноватые следы прокала и трещины. Верхний угол северной стороны плиты отбит.

Плиты, образующие боковые стены, первоначально имели примерно одинаковые размеры: длина стен – около 3,7 м, высота у фасада – 2 м, высота противоположных сторон – 1,75 м, толщина плит – около 0,4 м. На внутренней стороне обеих плит в местах их соединения с фасадной и задней плитами выбиты вертикальные пазы шириной около 35 см и глубиной от 7 до 3 см. Вертикальные пазы шириной около 25 см и глубиной 2–3 см выбиты и на наружной поверхности боковых плит – на участках, примыкающих к их фасадным торцам. Эти пазы служили местом соединения боковых плит дольмена с внутренней поверхностью блоков стены двора.

В XIX в. обе боковые плиты были повреждены. В верхней трети южной стены (1,35 м от пола) было пробито небольшое круглое отверстие диаметром около 13 см. Его начинали вырубать как прямоугольное окно (20 × 25 см), но в конечном счете ограничились круглым отверстием. Часть северной боковой плиты, примыкающая к задней стене дольмена, и часть задней плиты были разрушены при сооружении «дверного проема» в северо-западном углу. Ширина пролома в нижней части на уровне пола – около 0,8 м, а на уровне потолка – 0,55 м. Кроме этого, значительный участок наружной поверхности северной боковой плиты поврежден эрозией.

Поврежденная проломом задняя плита погребальной камеры первоначально имела правильную трапециевидную форму (высота – 1,7 м, ширина по основанию – 2,64 м, толщина – 0,3 м) и была установлена слегка наклонно в пазы боковых стен.

Внутренняя поверхность плит, образующих стены погребальной камеры, тщательно обработана в пикетажной технике.

Погребальная камера имеет в плане трапециевидную форму, ее внутренние размеры: ширина по фасаду – 3,05 м, ширина у задней стены – 2,63 м, длина боковых сторон – 2,4 м, высота потолка у фасада – 1,85 м, высота потолка у задней стены – 1,7 м. Общая площадь камеры на уровне пола – 6,8 м², ее общий объем – около 12,5 м³.

Погребальная камера перекрыта плитой трапециевидной формы. Фасадная часть плиты прямая, противоположная ей задняя часть закруглена. Общая длина плиты перекрытия составляет 4 м. Первоначальная ширина плиты над фасадом была 4 м, ширина закругленной части над задней плитой камеры – около 3,3 м, толщина плиты в средней части – около 0,43 м. Наружная поверхность плиты перекрытия сильно выветрена и не сохранила следов обработки. Поверхность покрыта в целом беспорядочно расположенными чашеобразными углублениями и многочисленными «граффити» экскурсантов, самые ранние из которых относятся к 1929 г., когда был построен пансионат «Джубга».

Нижняя поверхность плиты перекрытия, образующая потолок погребальной камеры, тщательно обработана пикетажем, а по ее периметру выбиты пазы для плотного соединения перекрытия со стенами. Плита перекрытия была уложена с перепадом по высоте от фасада к задней плите. На уровне потолка разница в высоте составляет около 0,2 м, образуя таким образом скат от фасада к задней стенке с углом наклона около 10°.

К боковым плитам погребальной камеры снаружи приставлены под углом массивные парные блоки контрфорсов. Выступающие из насыпи верхние части контрфорсов, лишённые видимых следов обработки, примыкают к стенам у южной сто-

роны на расстоянии около 0,3 м от нижнего уровня крыши и в 0,6–0,7 м от крыши – у северной стороны (с этой стороны контрфорсы, видимо, больше повреждены, так как вдоль нее проходит бетонированная дорожка). Ширина видимой части контрфорсов колеблется от 0,8 до 1,8 м, а толщина – от 0,4 до 0,5 м.

Необычным элементом общей конструкции является использование контрфорса у задней стены погребальной камеры.

Двор дольмена почти круглый в плане (диаметром около 4,5 м) примыкает к его фасадной части и огражден стеной из каменных блоков. М. К. Тешев в составленном им описании в 1976 г. отметил, что двор («площадка перед фасадом») был вымощен песчаниковыми плитами, но, приступая к раскопкам, мы этих плит уже не обнаружили.

Стена двора сложена из массивных песчаниковых блоков, наружной и внутренней поверхностям которых придана кривизна, достаточная, чтобы составить из блоков каменное кольцо. Судя по пазам на стенах дольмена, рисунку Ф. С. Байерна и наблюдениям П. С. Уваровой, первоначально стена двора была сложена из блоков, уложенных в три яруса, но в настоящее время сохранились только блоки первого (нижнего) и, частично, второго ярусов (рис. 3).

В ходе работ было установлено, что построенный из крупных тщательно обработанных блоков двор дольмена был сооружен одновременно с погребальной камерой и является частью единого архитектурного комплекса, а не поздней пристройкой, как полагали прежде.

В процессе раскопок стало ясно, что блоки первого яруса стены двора были установлены на «ленточный» фундамент из массивных блоков песчаника, уложенных по периметру всей стены двора. Оригинальная конструктивная особенность фундамента состояла в том, что, вопреки нашим ожиданиям, он был уложен не на горизонтальной, а на наклонной поверхности. Размещенный на склоне ленточный фундамент стен двора представлял в сечении клин, обращенный узкой стороной к фасаду погребальной камеры. Разница в толщине фундамента у фасада дольмена и на его противоположной стороне составляет около 0,7 м, что позволило строителю одновременно компенсировать перепад высот склона и подготовить горизонтальную поверхность для первого (нижнего) яруса блоков стены двора. При этом клинообразная конструкция фундамента позволила равномерно распределить нагрузку массивных стен двора на расположенный на склоне фундамент и тем самым обеспечить прочность всей конструкции. Плита пола погребальной камеры была установлена после того, как были уложены блоки фундамента стен двора, а все пространство двора и площадь были заполнены сначала уплотненным слоем суглинка, а затем слоем утрамбованного суглинка с гравием.

Первый ярус стены двора состоит из 9 блоков различных размеров. Южное и северное крылья стены включают по 4 блока, длина которых колеблется от 0,6 до 1,5 м, а в центре напротив фасада между крыльями уложен блок длиной 3 м. Высота блоков первого яруса – 0,65 м, ширина блоков в плане (толщина стены) – около 0,7 м, за исключением центрального блока шириной 0,8–0,95 м.

От второго яруса сохранилась только часть блоков. Первоначально их было 6, но к моменту наших работ на месте осталось только 4. Они более массивны, чем блоки первого яруса. Длина сохранившихся блоков колеблется от 1,2 м до 2,5 м, толщина блоков – около 0,7 м, высота – 1,1 м.

Судя по пазу, вырубленному на верхней поверхности центрального блока первого яруса, блоки второго яруса образовывали сплошное кольцо. Несохранившийся центральный блок второго яруса достигал в длину 3 м и перекрывал одновременно 2 стыковочных шва между блоками первого яруса, на что указывают пазы для его подгонки.

Блоки третьего яруса к настоящему времени не сохранились. На его существование в первоначальном виде стены указывают рисунок Ф. С. Байерна (1871 г.), наблюдения П. С. Уваровой, видевшей в 1886 г. упавшие блоки, и, главное, следы пазов под крышей на боковой поверхности стен погребальной камеры и на верхней поверхности блоков второго яруса. Эти пазы были вырублены при подгонке поверхностей блоков второго и третьего ярусов. Высота блоков третьего яруса была около 0,7 м. Вероятнее всего, блоки третьего яруса составляли сплошное кольцо, как и блоки нижних ярусов. Учитывая, что внутренняя поверхность стены двора имела значительный наклон внутрь (даже превышающий наклон боковых стен камеры), можно предположить, что кольцо третьего яруса было сплошное, так как в противном случае блоки третьего яруса могли упасть внутрь двора.

Блоки первого и второго ярусов стены двора были уложены в виде правильной кладки – с перевязкой стыков. Разница в размерах блоков, а также перепад высот компенсировались тщательной индивидуальной подгонкой поверхностей блоков, а прочности стыков добивались изготовлением специальных стыковочных пазов. Внутренняя поверхность стены, за исключением центрального блока первого яруса, была тщательно обработана пикетажем, в то время как их наружная поверхность была просто грубо оббита.

На внутренней поверхности 5 из 13 сохранившихся блоков стены были вырублены обработанные пикетажем выступы округлой или овальной формы. Во всех случаях они располагались в углах у нижнего края блоков. В одном случае из пяти на блоке было два, а не один выступ. Поперечный размер выступов колеблется от 20 до 30 см, а их высота составляет около 5 см. Поверхность выступов также тщательно обработана пикетажем и подтеской, как и остальная поверхность блоков.

К началу раскопок графини Уваровой почти все внутреннее пространство двора, исключая воронку у фасадной плиты для казачьего дымохода, было заполнено землей и обломками песчаника почти до верхнего уровня второго яруса блоков стены (Уварова 1891: 51–52). Двухдневные раскопки⁷ были остановлены, как только дошли до нижнего уровня плиты пола погребальной камеры.

К началу наших раскопок верхний уровень заполнения залегал приблизительно на 8 см ниже верхнего края плиты фундамента погребальной камеры и на 15–20 см ниже верхней поверхности блоков первого яруса стены. Был ли этот уровень тем «основанием» или «грунтом», до которого дошла П. С. Уварова,⁸ или уровень заполнения стал ниже верхнего уровня плиты пола из-за исчез-

⁷ 8 и 9 (по старому стилю) июля 1886 г. (Уварова 1891: 48).

⁸ «...земля <...> была вынута нами до самого основания; ближе к грунту нашлись несколько звериных костей и три красненьких черепочка; земля казалась более черной, но вот и все: ни вещей, никаких других следов погребения или жилья не оказалось. <...> каменная пробка <...> найдена <...> около самого отверстия, лежащая параллельно с передней стеной» (Уварова 1891: 51–52).

новения вымостки из песчаниковых плит, еще существовавшей в 1976 г., остается неясным.⁹

При расчистке двора было установлено, что верхний слой заполнения, мощностью от 0,3 до 0,4 м, состоит из речной или морской гальки среднего размера (4–7 см в поперечнике). Слой гальки перекрывал слой (8–15 см) утрамбованного суглинка с гравием. Между ними залегала тонкая прослойка строительных отходов, возникших при финальной обработке внутренней поверхности стен двора. В южном секторе двора в этом слое было зафиксировано кострище (около 0,9 × 1,2 м, линзовидное в разрезе, толщиной 8 см), представляющее собой слой древесного угля, прокаленного суглинка, гравия и щебня. Кострище залегало в толще уплотненного слоя суглинка, гравия и строительных отходов, что указывает на его одновременность с периодом строительства дольмена. Из кострища были взяты образцы для радиоуглеродного анализа. Каких-либо находок в слое гальки и слое строительных отходов не найдено.

Ниже слоя уплотненного суглинка с гравием залегал слой чистого желтого суглинка мощностью около 0,4–0,45 м. Этот суглинок представляет собой забутовку на уровне блоков фундамента стены двора. Материковый суглинок, подстилающий забутовку, отличается от нее более плотной комковатой структурой.

Насыпь и керн. Погребальную камеру и примыкающий к ней двор со всех сторон окружает земляная насыпь и каменный керн. Была расчищена почти вся поверхность этого сооружения, за исключением северной полы, перекрытой асфальтированным дорожным полотном, где удалось расчистить относительно небольшой участок между задней стеной камеры и дорогой. По мере необходимости на различных участках были заложены стратиграфические раскопы.

Общий диаметр насыпи и керна сразу после завершения строительства составлял около 25 м. Все сооружение имело довольно оригинальную конструкцию, и последовательность его строительства можно восстановить, в том числе, по стратиграфии залегания строительных отходов. По завершении подгонки блоков фундамента стен двора они были на полную высоту (около 0,7 м) насыпаны снаружи и внутри слоем желтого суглинка, взятого у склоне холма из котлована, сооруженного для погребальной камеры и примыкающего к ней двора. Подсыпка из этого суглинка, внешний край которой располагался приблизительно в 7 м от наружной стороны стены двора, полукругом охватывала двор, поднимаясь по склону где-то до уровня фасадной плиты камеры.

Всю поверхность насыпи из суглинка перекрывал каменный керн (толщиной от 0,2 до 0,65 м) из обломков песчаника, размер которых составляет в среднем 0,2–0,5 м в поперечнике. Наиболее крупные обломки песчаника залегают в его основании – на участке, примыкающем к стенам двора и погребальной камеры. Мощность керна поверх насыпи из суглинка на участке, примыкающем к стенам дольмена, составляет всего 0,25–0,3 м, но при этом здесь уложены наиболее крупные обломки песчаника (до 1 м в поперечнике). По периметру земляной насыпи и каменного керна была сооружена подпорная стена из уложенных

⁹ В описании и на чертежах В. И. Марковина, который был на памятнике в 1967 г., т. е. за 9 лет до осмотра его М. К. Тешевым, существование вымостки двора песчаниковыми плитами не отмечено, как, впрочем, вообще нет характеристики заполнения двора (Марковин 1997: 295–299).

в несколько рядов крупных плоских речных валунов, высотой около 0,7 м и шириной около 2 м.

При строительстве насыпи со стороны задней и боковых стен дольмена использовалось значительное количество мелкого речного (морского?) гравия, которого нет в насыпи вокруг двора. При этом обе части насыпи составляют единое целое.

После установки контрфорсов под углом к боковым и задней стенам погребальной камеры свободное пространство между ними и стенами было тщательно забутовано уложенным плашмя плитняком. Затем по всему периметру дольмена, исключая его фасад, были уложены плашмя в несколько рядов крупные плоские речные валуны и обломки песчаниковых плит. Сложенный таким образом керн перекрывал контрфорсы и достигал верхнего края стен дольмена. Внешний край этой части керна находился приблизительно в 7–8 м от стен дольмена. Однако его конструктивное оформление остается неясным, так как эта часть насыпи перерыта асфальтированным дорожным полотном и складскими постройками пансионата. Пологий рельеф задней части керна вполне соответствует возможностям его использования как пандуса для перемещения и укладки массивной плиты перекрытия погребальной камеры, весом около 18 т.

О первоначальной высоте керна вокруг стен двора с фасадной стороны можно судить только по косвенным данным – это высота сохранившейся части керна у стен камеры и двора, а также характер обработки наружной поверхности блоков, из которых построена стена. Учитывая, что южная, менее поврежденная часть керна достигает крыши дольмена и верхнего края блоков второго яруса стены двора, а также принимая во внимание очевидную грубость обработки наружной стороны блоков,¹⁰ явно не предназначенной для обозрения, можно уверенно утверждать, что первоначально керн по всему периметру достигал уровня верхнего края третьего (несохранившегося) яруса блоков стены. Другими словами, вершина керна была вровень с верхом стен погребальной камеры и двора (рис. 3).

Петроглифы

При расчистке внутреннего пространства двора на поверхности самого большого блока первого яруса был обнаружен фриз с петроглифами. Блок был установлен прямо напротив входного отверстия в погребальную камеру дольмена. Петроглифы были перекрыты слоем гальки, который заполнял двор и лежал поверх слоя строительных отходов, образовавшегося при обработке внутренней поверхности стены двора. Форма и характер обработки блока указывают на то, что, вероятнее всего, петроглифы были нанесены в период строительства дольмена. В любом случае¹¹ совершенно очевидно, что петроглифы воспринимались как элемент, имеющий смысловую ценность: фриз с изображениями –

¹⁰ В отличие от внутренней стороны стены, финальная отделка которой была завершена тщательным пикетажем и подтеской после того, как блоки были уложены в стену, внешняя сторона стены несет следы только грубых сколов первичной обработки. На некоторых блоках с наружной стороны сохранились следы глубоких симметричных парных затесов, предназначенных, возможно, для упора деревянных рычагов.

¹¹ Иначе надо допускать почти невероятное, что блок с подходящей кривизной поверхности и уже нанесенными петроглифами был вторично использован в конструкции стены двора.

единственный участок на всей внутренней поверхности стены двора, незатронутый финальной отделкой пикетажем и подтеской. Размеры блока с петроглифами составили: высота 0,55 м, длина 2,7 м и толщина около 0,8 м. Его торцы тщательно подогнаны к торцам смежных блоков, причем соединение с блоком северного крыла стены имеет довольно сложный профиль и сечение. Как и все блоки стены, блок с петроглифами изогнут ровно настолько, чтобы вписаться в почти 5-метровую окружность двора.

Изображения представляют собой фриз (длиной 1,2 м и шириной около 0,25 м) из 6 расположенных в ряд фигур, ограниченный сверху и снизу узкими полосами границ естественной слоистости песчаника (рис. 4, 1). Средний размер изображений около 12 × 12 см. Технически все изображения выполнены в одном стиле и единой технике пикетажа, металлическим инструментом. С разной степенью уверенности можно отождествить: антропоморфное изображение, фигуры оленя, собаки (?) и козлов (?). Что именно изображают наклонно расположенные две параллельные линии, выбитые на одном из краев фриза, пока неясно. Композиционным центром, вероятнее всего, является антропоморфная фигура, справа и слева от которой изображены животные, развернутые головами «от человека», однако центральной фигурой может оказаться и изображение оленя – наиболее крупное и тщательно проработанное.

Какую именно позу человека передает антропоморфное изображение, можно реконструировать только с изрядной долей вероятности. Изображение стоп фиксирует движение или разворот «вправо», при этом одна из рук согнута в локте в положении «на поясе», а вот расположение второй руки остается неясно. Голова «человека» расширяется от плеч в виде неправильной фигуры с округлым верхним контуром, который подчеркнут более глубоким пикетажем.

По характеру использования свободного пространства, составу и пропорциям изображений можно предположить, что весь фриз был выполнен одновременно и носит повествовательный характер, являясь иллюстрацией к некоему древнему мифологическому сюжету, героями которого были человек, олень, собака и другие животные.

Вторая группа петроглифов была обнаружена на соседнем блоке первого яруса стены двора. Этот блок располагался снаружи стены и представлял собой дополнительную опору для самого большого 3-метрового блока второго яруса, который не сохранился. Петроглифы были обнаружены после того, как блоки первого яруса стены двора были расчищены снаружи. Блок представляет собой правильной формы квадрат, размерами 1,2 × 0,8 × 0,56 м. Его наружная поверхность сохранила следы грубых сколов, в то время как торцы были довольно тщательно обработаны пикетажем, хотя очевидная необходимость в подгонке этих торцов к торцам других блоков не просматривается. Скорее всего, этот блок был уложен таким образом, что к кладке стены он примыкал снаружи только одной (длинной) стороной. Нет никаких сомнений в том, что этот блок изначально входил в конструкцию первого яруса стены, так как он был уложен на те же блоки фундамента, что и примыкающие к нему конструктивные элементы первого яруса стены, а на его верхней поверхности сохранились следы паза для подгонки блока второго яруса.

Петроглифы были выбиты на обработанном пикетажем торце блока – той его стороне, которая примыкала углом к центральному блоку с петроглифами.

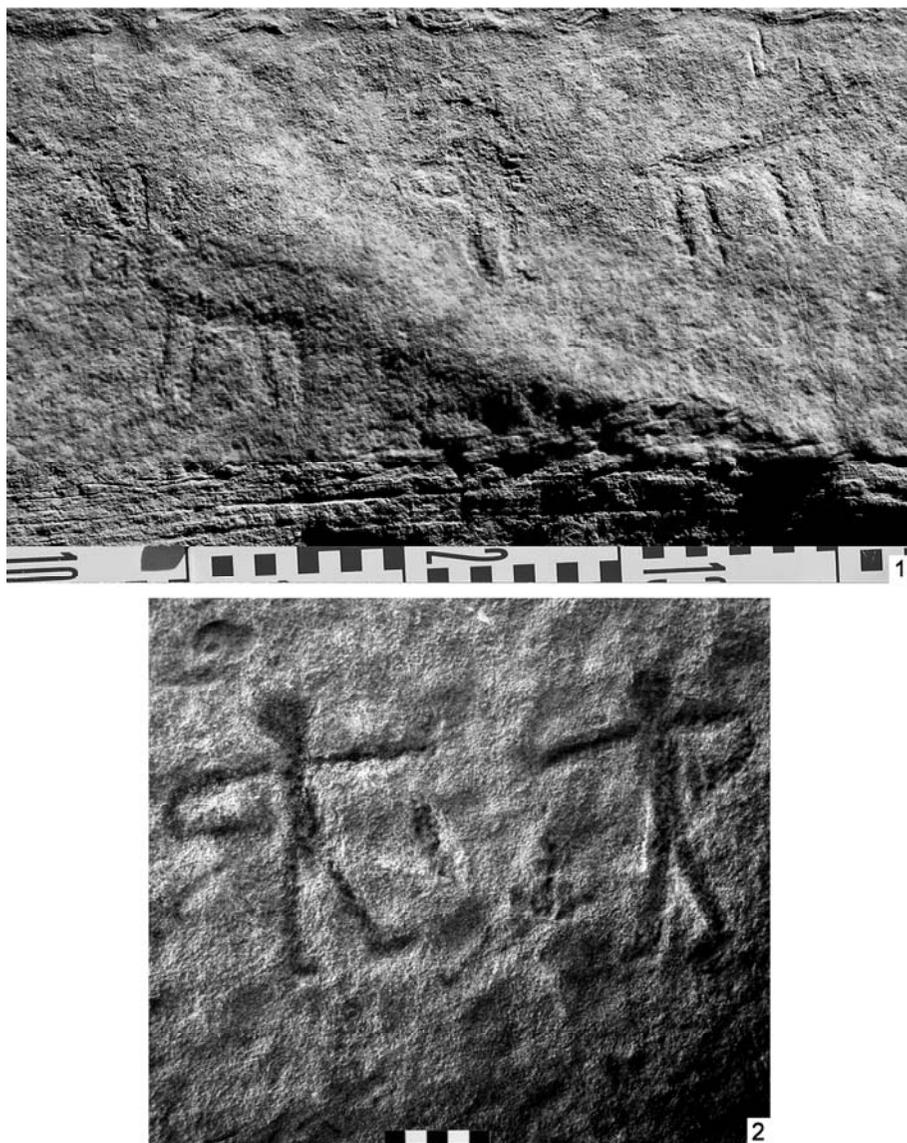

Рис. 4. Дольмен Джубга, петроглифы: 1 – центральный фрагмент фриза с изображением антропоморфной фигуры и животных; 2 – изображение «близнецов»

Fig. 4. Dzhubga dolmen, petroglyphs: 1 – central part of the panel with an anthropomorphic figure and animals; 2 – «twins»

Маловероятно, чтобы они предназначались для постоянного обзора: во-первых, их можно было увидеть, только заглянув в относительно узкое пространство (около 0,35 м) между блоками; во-вторых, снаружи эти блоки однозначно были прикрыты керном.

Петроглифы представляют собой изображение пары антропоморфных фигур, высотой около 15 см, обращенных «лицами» друг к другу (рис. 4, 2). Композицию можно описать как зеркально-симметричную, т. е. фигуры повторяют положение друг друга относительно вертикальной оси симметрии между ними. Вся композиция занимает пространство приблизительно 30×15 см в центре прямоугольной площади торца блока. Обе фигуры выполнены в технике пикетажа, вероятно, металлическим инструментом.

Фигуры изображают антропоморфные существа без половых признаков. Их положение тел можно описать как стоящими лицами друг к другу, при этом поднятая под прямым углом правая (?) рука одного персонажа протянута к находящейся в таком же положении левой (?) руке другого персонажа, а левая (?) и правая (?) руки обеих фигур, соответственно, согнуты в локте в положении «на пояс» или нижней части туловища, не касаясь его. Не исключено, что изображения ног обеих фигур передают движение персонажей навстречу друг другу. Головы фигур изображены расширяющимися вверх, причем у левого персонажа верхняя и «затылочная» части головы окаймлены зарубками, создающими впечатление головного убора. Не исключено, что «зарубки» могли возникнуть непреднамеренно при техническом выполнении фигур. Под протянутыми друг к другу руками каждой фигуры, примерно в 4 см вниз от того места, где у них должны быть кисти рук, пикетажем показаны некие предметы вытянутой формы, длиной около 4 см и шириной около 1,5 см. Что именно изображают эти элементы петроглифа, пока не ясно.

В целом фигуры имеют признаки симультанного изображения, при котором одновременно показываются нескольких проекций формы с разных точек зрения на плоскость: ноги фигур – в профиль, плечевой пояс – в фас (см. Власов 2000: 22). В сюжетной интерпретации этого изображения в первую очередь следует отметить мотив «близнецов», но, не зная канвы мифологического сюжета, который мог быть темой композиции, сложно понимать содержание самой сцены. Она могла изображать ритуальный поединок, танец или приветствие.

Еще один петроглиф был найден на внешней стороне того же блока, на котором были изображены «близнецы». Эта сторона блока была обработана только грубыми сколами, и на относительно ровном участке поверхности была выбита антропоморфная фигура, примерно в том же стиле и технике, что и остальные антропоморфные фигуры дольмена. Фигура, высотой около 12 см, расположена примерно в центре верхней трети высоты прямоугольной поверхности блока. Она выполнена не так тщательно, как изображение «близнецов», и, возможно, даже не завершена. Изображение представляет антропоморфное существо без половых признаков. Ноги изображены в профиль, «идущими» в левую сторону, а плечевой пояс в фас, причем левая рука согнута в локте «полукругом» в положении «на пояс», а вот положение правой руки неясно, так как хорошо рассмотреть можно только ее плечевую часть, поднятую под прямым углом к туловищу. Изображение шеи или голова только намечено небольшим выступом между плеч.

Все петроглифы на стене двора дольмена в Джубге, вероятнее всего, были нанесены на строительные блоки в процессе его сооружения, но при этом, судя по местам их расположения, они не предназначались для обзора после

завершения строительства и функционирования дольмена как погребального и культового комплекса. Это может означать, что сакральными были сам процесс нанесения петроглифов, а также их неявное, но вечное присутствие на стенах дольмена.

Датировка памятника

В ходе раскопок дольмена в Джубге не было найдено каких-либо существенных археологических материалов, тип и контекст обнаружения которых мог бы служить основанием для датировки периода строительства или эксплуатации памятника. Найденные в насыпи мелкие неорнаментированные фрагменты лепной керамики и кремня, а также небольшие обломки обожженной турлучной обмазки указывают только на то, что рядом или на месте строительства дольмена существовало поселение эпохи бронзы.

Единственным достоверным основанием для датировки периода строительства дольмена являются только результаты радиоуглеродного анализа древесного угля из кострища, залегающего в строительных слоях двора дольмена (таблица).

Т а б л и ц а

Результаты радиоуглеродного анализа дольмена Джубга

№ п/п	Место отбора образца	Материал образца	Индекс лаборатории	¹⁴ C возраст BP	¹⁴ C интервал калиброванного календарного возраста (1σ) cal BC (OxCal 3.0)
1	Двор дольмена, строительные слои, кострище	уголь	Le-7568	3830 ± 35	2400 BC (1,9 %) 2380 BC; 2340 BC (66,3 %) 2200 BC
2	Двор дольмена, строительные слои, кострище	уголь	Le-7569	3940 ± 30	2480 BC (52,1 %) 2400 BC 2380 BC (16,1 %) 2350 BC

Результаты радиоуглеродного датирования позволяют предположить, что дольмен был построен приблизительно в третьей четверти III тыс. до н. э., т. е. в тот период дольменной культуры, когда в степном Предкавказье доминировали различные варианты катакомбных культур,¹² а в Закавказье, вероятно, беденский вариант триалетской культуры.

Сравнительный анализ: архитектура

Несмотря на исключительную оригинальность дольмена Джубга, архитектурные и конструктивные элементы, зафиксированные при его изучении, присутствуют и в других дольменах Западного Кавказа. Ближайшим аналогом постройке в Джубге является дольменный комплекс, исследованный в 1975–1976 гг. И. И. Цвинария в с. Отхара, Гудаутского р-на Республики Абхазия (Цвинария 1990: 82–87, табл. 5–9). Оба памятника объединяют не только общая планировка,

¹² В этой связи отмечу определенное сходство конструкции дольмена Джубга со степными катакомбами, если рассматривать круглый замкнутый двор дольмена в качестве функционального эквивалента шахте катакомбы. Это подобие, а также культурно-хронологический контекст связей между дольменной культурой и катакомбными культурами степного Прикубанья–Северо-Восточного Приазовья–Нижнего Подонья, на которые впервые обратил внимание С. Н. Братченко (Братченко 1976: 42–43; Трифонов 1991: 153, 161), оставляют актуальной оригинальную гипотезу В. Я. Кияшко (Кияшко 1979) о связях между катакомбами и дольменами.

но также размеры, пропорции и конструкция основных функциональных элементов – погребальной камеры, двор и насыпь с подпорной стеной.¹³

Замкнутый круглый двор без входа, стены которого сложены из фигурных блоков, примыкает к фасаду дольмена, расположенному в пос. Лазаревское, причем сам дольмен построен в комбинированной технике: его стены сложены из блоков, а фасад сделан из массивной плиты, которой была придана округлая в плане форма, соответствующая общему внешнему¹⁴ подковообразному контуру всего сооружения (Воронов 1979: 47, рис. 7).

Сочетание различных строительных приемов и материалов (тесаные плиты и блоки различной конфигурации) позволяло реализовать самые сложные архитектурные проекты. Характерно, что в такой комбинированной технике строительства сооружены многие особенно большие дольмены – центральный дольмен в группе Жане (Трифонов 2009), дольмены в долине Адербы (дольмен 2, гора Нексис), в долине р. Кизинка (дольмен 528), у пос. Гузерипль на р. Белая (Марковин 1997: 153, 245, 248, 259), на р. Озерейка в окрестностях Новороссийска (Кононенко 1988; Дмитриев 2007). Общим признаком в технике строительства этих памятников является одинаково свободное использование приемов регулярной сухой кладки из фигурных блоков или квадров при сооружении как собственно погребальных камер, так и дополнительных конструкций: дворов и подпорных стен «насыпей». Важной особенностью строительства из блоков является воспроизведение в конструкциях дольменов элементов псевдокупольного сооружения (Марковин 1973; Резепкин 1988: 57–58), причем в одинаковой степени это касается как погребальных камер (например, круглые в плане дольмены в долине Жане или в окрестностях пос. Красная Поляна), так и дворов, лучшим примером из которых является двор у дольмена Джубга. Необходимо подчеркнуть, что псевдокупольность или элементы ложного свода являются основополагающими характеристиками дольменного архитектурного стиля. Однако остается под вопросом, является ли этот элемент результатом развития оригинальной мегалитической архитектуры или рудиментарным подражанием архитектурным формам из других материалов.

Сравнительный анализ: петроглифы

Найденные впервые в истории кавказской археологии антропоморфные и зооморфные петроглифы на стенах дольмена Джубга находят ограниченный, но своеобразный круг аналогий. Уже через год после открытия петроглифов в Джубге стало ясно, что эти необычные антропоморфные изображения на самом деле соответствуют определенному «дольменному» канону. В 2007 г. среди плит развала одного из дольменов в бассейне р. Абин был найден фрагмент плиты с антропоморфными изображениями (Гей 2008: 298, рис. 2), техника исполнения и стиль которых соответствуют изображениям на стенах дольмена Джубга.

¹³ При очевидном сходстве у дольмена в Отхаре есть существенное конструктивное отличие – проход в фасадной части стены двора. Правда, остается неясным, когда именно этот проход был устроен: на этапе строительства дольмена в эпоху бронзы или позднее, когда в дольмене была устроена средневековая гробница.

¹⁴ Интересно отметить, что при подковообразном плане сооружения снаружи сам план погребальной камеры можно описать как «трапециевидный, с закругленными углами и выпуклыми сторонами», т. е. он является какой-то промежуточной формой между трапецией и кругом.

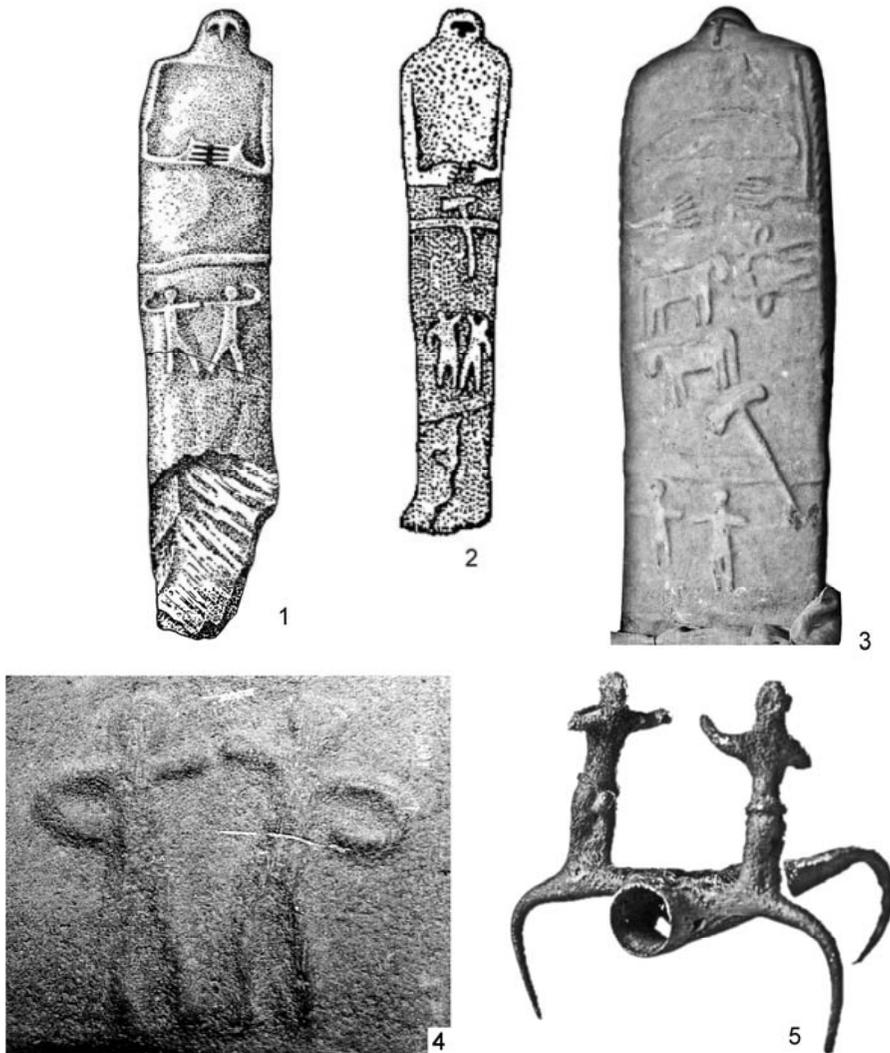

Рис. 5. 1–4 – антропоморфные стелы Крыма с изображениями «близнецов» (1 – Казанки; 2 – Ак-Чокрак; 3 – Верхоречье [1–3 – без масштаба]; 4 – фрагмент стелы из Верхоречья); 5 – бронзовый крюк из дольмена в кург. 1 у ст. Царская (совр. Новосвободная), 1898 г.

Fig. 5. 1–4 – Crimean anthropomorphic stelae with images of «twins» (1 – Kazanki; 2 – Ak-Chokrak; 3 – Verkhorechie [1–3 – not to scale]; 4 – fragment of the Verkhorechie stele); 5 – bronze hook from the dolmen in barrow 1 at the village of Tsarskaya (now Novosvobodnaya), 1898

В 1953 г. в горном Крыму у с. Казанки случайно и вне археологического контекста была обнаружена каменная антропоморфная стела, на которой была изображена пара людей в геральдической позе (рис. 5, 1). Несколько лет спустя в том же районе Крыма (рис. 1) и при аналогичных обстоятельствах были найдены еще две стелы с парными изображениями людей – в окрестностях сел Ак-Чокрак и Верхоречье (рис. 5, 2, 3) (Тошев 2007: 59–93). Между тем недавние

археологические исследования кавказских дольменов проливают новый свет на культурный и хронологический контексты случайно найденных стел и связанных с ними изображений близнецов. При анализе важным обстоятельством является композиционное и стилистическое сходство изображения «близнецов» на дольмене в Джубге с изображениями на антропоморфных стелах из горного Крыма (Там же: 92, рис. 42, 3–5).

На трех стелах (Верхоречье, Казанки, Ак-Чокрак) низким рельефом в характерной позе изображены пары «близнецов», а на стеле из Верхоречья есть и изображения животных, сопоставимых с изображениями животных на фризе дольмена Джубга. Зеркальная симметрия «близнецовой» пары, стиль изображений и поза фигур с характерным «овальным» изгибом рук указывают на несомненную принадлежность этого круга изображений к единому художественному канону (рис. 5, 1–3).

А. А. Формозов обратил внимание на сюжетное и стилистическое сходство парных изображений людей на стелах и изображения пары мужчин на бронзовом крюке из мегалитической раннебронзовой гробницы в ст. Царской (совр. Новосвободная, Адыгея, Северо-Западный Кавказ) (рис. 5, 5). Он предположил, что этот сюжет связан с одним из широко распространенных мифологических сюжетов о сражающихся близнецах, назвал сюжет «эпическим», а композицию «близнецов» – «геральдической» (Формозов 1970).

А. А. Формозов считал, что изображение сражающихся близнецов есть и на одной из антропоморфных стел из Франции (Les Maurels). С его точки зрения, это было дополнительным аргументом в пользу гипотезы общего происхождения антропоморфных стел Италии, Франции, Болгарии и Южной России под влиянием «древнейших цивилизаций Востока» (Формозов 1980: 106). Гипотеза А. А. Формозова об общем происхождении антропоморфных стел Средиземноморья и южной России приобрела особую популярность среди тех, кто изучал археологические аспекты индоевропейской проблемы и развитие мегалитических культур в Европе и на Кавказе. Особая привлекательность гипотезы состояла в возможности реконструировать общеевропейские культурные процессы, включая сверхдальние трансконтинентальные миграции. Парадоксальным образом за последние тридцать лет аргументы и наблюдения А. А. Формозова неоднократно и почти без изменений становились частью различных и даже прямо противоположных культурно-исторических концепций (Резепкин 1987; Mellory 1989: 220; Telegin, Mellory 1994; Anthony 2007: 338).

Оценивая гипотезу А. А. Формозова, прежде всего следует отметить, что в основе сопоставления стел из Франции и Крыма лежит неточное воспроизведение изображения на стеле из Ле-Морель, которым воспользовался А. А. Формозов.¹⁵ В его распоряжении был неточный рисунок из первой публикации этой стелы (Hermet 1892), на котором концы ремней на «спине» стелы действительно можно было принять за изображение антропоморфных фигур. Именно этот неточный рисунок с мистифицированным изображением «близнецов» вслед за А. А. Формозовым тиражировался в различных публикациях на тему европейских культурных связей (Telegin, Mellory 1994: 53, fig. 24, 3; Anthony 2007: fig. 13, 11).

¹⁵ Приношу благодарность А. М. Смирнову, который обратил мое внимание на это несоответствие.

Между тем корректная копия изображений на этой стеле была опубликована довольно давно (Castagné 1910: 394, pl. IX, 2), причем в описании изображений нет упоминания антропоморфных фигур. Нет их и в более поздних публикациях этой стелы (Kendrick 1928: fig. 15).¹⁶ Сегодня детали изображений на стеле из Ле-Морель можно рассмотреть на фотографиях и рисунках, размещенных на сайте музея в г. Родез (Rodez, Musée Fenaille) (<http://museesmidipyrenees.fr/musees/musee-fenaille/collections/statues-menhirs/>). Они не оставляют сомнений в том, что французские «близнецы» – это всего лишь игра воображения, и принимать их в расчет при оценке культурно-хронологического контекста крымских стел или петроглифов Джубги нельзя.

Другое дело – парные фигурки на крюке из Новосвободной (рис. 5, 5). На перекладине крюка, сделанной в виде бычьих рогов, симметрично расположены две обращенные лицами к друг другу мужские фигурки. Фигурки изображены противостоящими друг другу на расстоянии одного-двух «шагов» в левосторонней стойке «кулачных бойцов», т. е. левая нога у обеих фигурок находится чуть впереди, а правая сзади и на полшага вправо. Левая согнутая в локте рука вынесена перед туловищем, при этом локоть слегка опущен, левый «кулак» у одной фигурки находится на уровне плеча, у второй – чуть выше. Правая рука также согнута в локте, а «кулак» – на уровне подбородка. Обе фигурки изображены почти полностью обнаженными с четко обозначенными мужскими гениталиями в состоянии эрекции. На обоих «бойцах» рельефным валиком обозначены пояса. На голове одной из фигурок изображена налобная повязка или тесьма, надетая поверх ушей. На широких лицах обеих фигурок изображены брови, глаза, нос с горбинкой и борода.

Несмотря на очевидные различия, связанные с техникой исполнения (круглая металлопластика – Новосвободная; низкий рельеф – крымские стелы; гравировка – дольмен в Джубге), эти изображения объединяют композиция и, в определенной степени, стиль. Парная композиция на новосвободненском крюке в рельефе или гравировке могла бы выглядеть так же, как изображения «близнецов» на стелах Крыма или на дольмене Джубга.

Бронзовый крюк с изображением сражающихся «близнецов» происходит из мегалитической гробницы, относящейся к позднему этапу новосвободненского варианта майкопской культуры (Rezerkin 2000: 86).¹⁷ Судя по радиоуглеродным датам образцов из подобной гробницы в кург. 2, раскопанной Н. И. Веселовским в 1898 г. у ст. Царской (совр. Новосвободная), эта группа памятников датируется последней четвертью IV–началом III тыс. до н. э. (Trifonov et al. 2013).¹⁸

¹⁶ Приношу благодарность С. Кассену (S. Cassen), который обратил мое внимание на эти публикации.

¹⁷ Сейчас А. Д. Резепкин относит эти памятники к новосвободненской культуре (см. Резепкин 2012).

¹⁸ В ходе работ по проекту РФФИ №13-06-00383а выяснилось, что путаница с нумерацией курганов могильника Клады (под № 27 на плане обозначен кург. 1, но описан он как кург. 2 из раскопок Н. И. Веселовского 1898 г.) (см. Резепкин 2012: 29, 130, рис. 1) отразилась на идентификации образца, датированного в радиоуглеродной лаборатории Оксфорда. На самом деле образец OxA-5063 происходит из гробницы в кург. 2, а не в кург. 1, как это неоднократно воспроизводилось в публикациях, в том числе и автора этой статьи.

Это означает, что изображение «близнецов» на крюке, примерно на 500 лет старше изображения «близнецов» на дольмене в Джубге. Такое хронологическое различие, в принципе, не противоречит предположению о культурной связи между двумя разными воплощениями одного и того же мифологического сюжета, так как сами гробницы новосвободненского типа и дольмены типа Джубги представляют единую линию развития погребальной мегалитической архитектуры на Западном Кавказе в эпоху бронзы (Ibid.). Если это предположение верно, тогда сюжет «близнецов» приобретает вполне определенный культурный контекст, о котором до открытия петроглифов в Джубге практически ничего не было известно, так как все упомянутые крымские стелы – случайные находки.

Сюжетно-стилистическое сходство между петроглифами Джубги, рельефами на крымских стелах и круглой металлопластикой из Новосвободной позволяет сделать два важных вывода. Во-первых, период создания и использования стел с изображением «близнецов» можно датировать второй половиной IV–первой половиной III тыс. до н. э. Во-вторых, в этот период горный Крым и Западный Кавказ, вероятно, входили в одну культурную провинцию.

Заключение

Важность сюжетно-стилистического сходства между петроглифами Джубги, рельефами на крымских стелах и круглой металлопластикой из Новосвободной состоит в открытии общей для Западного Кавказа и горного Крыма культурной среды, в которой по обе стороны Керченского пролива циркулировали единые художественные стандарты изображения мифологического сюжета, возможно, космогонического толка.¹⁹ Нет никаких оснований считать, что в этот культурный круг входили антропоморфные стелы Западного Средиземноморья в целом, и юга Франции в частности.

Стоит отметить, что для майкопской культуры в принципе не характерны антропоморфные изображения. Появление на Западном Кавказе сюжета «близнецов» в характерном композиционном и стилистическом исполнении в конце IV тыс. до н. э. можно трактовать как одно из проявлений влияния дольменной культуры на майкопскую культуру. С этим влиянием, вероятнее всего, связано формирование локального новосвободненского феномена, известного только на Северо-Западном Кавказе – той территории, где ареалы майкопской и дольменной культур перекрывают друг друга.

Сюжет со сражающимися «близнецами» и характерный стиль их изображения являются таким же самобытным явлением для Кавказа, как и возникновение здесь традиции строительства дольменов. Какими бы близкими ни казались элементы сходства между мегалитами Кавказа и других областей Европы и Азии, различия между ними и культурным контекстом, в котором они возникли, делают маловероятными (см. Trifonov 2013; Трифонов 2014) гипотезы о западноевропейском (Николаева, Сафронов 1974: 175–194; Резепкин 2012: 101–106) или переднеазиатском происхождении кавказских дольменов.

¹⁹ В этом контексте фигуры людей и животных на стелах и стенах дольменов могут оказаться астральными символами.

После завершения раскопок дольмена в Джубге и выводов относительно его архитектурного своеобразия можно высказать несколько общих оценок дольменного строительства как культурного феномена. Если прежде основным в характеристике этого явления был мегалитический аспект, подразумевающий, главным образом, примитивное строительство из огромных камней, то теперь можно говорить о глубоко укоренившейся на Западном Кавказе традиции грандиозного по размаху монументального культового строительства из тесаного камня, что представляет собой отдельное направление в истории архитектуры Древнего мира.

Раскопки в Джубге, а также результаты последних полевых исследований показали, что на огромном пространстве вокруг Черного и Средиземного морей – в зоне формирования в III тыс. до н. э. городских цивилизаций Старого Света – дольмены Западного Кавказа являются одним из ранних проявлений традиции культового каменного строительства. Для этой традиции характерна регулярная многоярусная кладка из квадров, псевдокупольные конструкции, использование развитой формы колонн как опоры перекрытий, рельефного декора фасадных поверхностей, декорированных стел и зооморфной круглой скульптуры. К этому следует добавить, что, судя по размерам, планировке и отделке некоторых дольменных комплексов, они выполняли функцию общественных культовых сооружений. В пользу этого свидетельствует строительство перед фасадами погребальных камер обширных мощеных, обнесенных стенами дворов, площадь которых может достигать нескольких сот квадратных метров.²⁰

В конечном счете, все это способствует более ясному пониманию особенностей местного западнокавказского культурного контекста, в котором традиция культового мегалитического строительства оставалась доминирующей на протяжении почти 2 тысячелетий. Последнее обстоятельство имеет принципиальное значение для взвешенной оценки самого распространенного и для многих очевидного мнения о неожиданном появлении на Западном Кавказе дольменов «в готовом виде». Действительно, сложно представить, что архитектура дольмена Джубга – результат развития местной архитектурной традиции, а не копия одной из европейских или азиатских мегалитических традиций. Но ведь за плечами строителей дольмена в Джубге был опыт как минимум 20 (!) поколений мастеров, при этом каждое из них, даже при всем консерватизме такой деятельности, обогащало общую традицию собственными конструктивными и декоративными решениями. Да и сама традиция вовсе не представляла собой превращение одного прототипа в многообразие типов и их вариантов. Судя по самым ранним дольменам, изначально существовало несколько типов мегалитических конструкций с прямоугольными, трапециевидными и круглыми в плане погребальными камерами и различными перекрытиями, формы и размеры которых наводят на мысль об их заимствовании из архитектуры утилитарного, хозяйственного назначения, где основным строительным материалом были дерево и глина. Более того, можно довольно уверенно утверждать, что строителям кав-

²⁰ Площадь овального в плане двора перед самым большим дольменом в долине р. Жана составляет свыше 300 м², а площадь почти квадратного в плане двора перед дольменом под Серебряным курганом в урочище Клады равна почти 1000 м².

казских дольменов потребовалось значительное время, прежде чем они изобрели оригинальный тип плиточного фундамента,²¹ который, наряду с ленточным, почти полностью вытеснил традицию вкапывания плит дольменных стен.

Высокая вероятность связи мегалитической архитектуры дольменов с архитектурой бытового и хозяйственного назначения, а также очевидная способность зарождения в местной «инженерной» среде таких принципиальных изобретений, как плиточный фундамент, лишают миграционные гипотезы исключительного права на объяснение архитектурной самобытности кавказских дольменов.

Литература

Анфимов 1982 – *Анфимов Н. В.* Курганы рассказывают... Краснодар: Краснодарское книжное изд-во, 1982. 128 с.

Байерн 1871 – *Байерн Ф. С.* О древних сооружениях на Кавказе // Зейдлиц Н. (ред.). Сборник сведений о Кавказе. Тифлис: Кавказский статистический комитет, 1871. Т. 1. С. 298–325.

Байерн 1882 – *Байерн Ф. С.* Заметки о различного рода могилах, встречающихся на Кавказском перешейке // Бакрадзе Д. З., Вейденбаум Е. Г. (ред.). Известия Кавказского общества истории и археологии. Тифлис: Типография Главного Управления Главного начальника гражданской частью на Кавказе, 1882. Т. 1, вып. 1. С. 10–23.

Берже 1875 – *Берже А. П.* Кавказ в археологическом отношении // Записки общества любителей кавказской археологии. Тифлис: Типография Главного Управления Наместника Кавказского, 1875. Кн. 1. С. 1–17.

Братченко 1976 – *Братченко С. Н.* Нижнее Подонье в эпоху средней бронзы. Киев: Наукова думка, 1976. 251 с.

Власов 2000 – *Власов В. Г.* Египетское искусство // Большой энциклопедический словарь изобразительного искусства: В 8 т. СПб.: ЛИТА, 2000. Т. 3. С. 15–34.

Воронов 1979 – *Воронов Ю. Н.* Древности Сочи и его окрестностей. Краснодар: Краснодарское книжное изд-во, 1979. 112 с.

Гей 2008 – *Гей А. Н.* Исследование дольменных памятников Западного Кавказа в 2005–2007 гг. // Деревянко А. П., Макаров Н. А. (ред.). Тр. II (XVIII) ВАС в Суздале. М.: ИА РАН, 2008. Т. 1. С. 294–298.

Дмитриев 2007 – *Дмитриев А. В.* Восстановление двух дольменных комплексов в верховьях реки Озерейки // Аргонавт: Черноморский исторический журнал. Новороссийск, 2007. № 1. С. 63–72.

Кияшко 1979 – *Кияшко В. Я.* Параллели развития погребальных обрядов эпохи ранней бронзы в Приазовье и на Западном Кавказе // Проблемы эпохи бронзы юга Восточной Европы: ТД конф. (Донецк, 3–6 декабря 1979 г.). Донецк: ИА АН УССР, Донецкий науч. центр, Донецкая обл. орг. Украинского о-ва охр. пам., Донецкий ГУ, 1979. С. 49–50.

Кононенко 1988 – *Кононенко А. П.* Дольменный комплекс близ города Новороссийска // XV Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа: ТД. Махачкала: Карачаево-Черкесский НИИ, 1988. С. 19–22.

Лавров 1960 – *Лавров Л. И.* Дольмены Северо-Западного Кавказа // Тр. Абхазского института языка, литературы и истории. Сухуми, 1960. Вып. 31. С. 101–178.

Лещенко 1931 – *Лещенко А. Ф.* Матеріали до орнаментики дольменів на північно-західньому Кавказі // Антропологія. Київ, 1931. Т. 4 за р. 1930. С. 237–263.

Марковин 1973 – *Марковин В. И.* Составные дольмены с ложным сводом на Западном Кавказе // КСИА. 1973. Вып. 134. С. 35–41.

Марковин 1978 – *Марковин В. И.* Дольмены Западного Кавказа. М.: Наука, 1978. 328 с.

Марковин 1997 – *Марковин В. И.* Дольменные памятники Прикубанья и Причерноморья. М.: ИА РАН, 1997. 402 с.

²¹ Использование плиточного фундамента отразилось на общей конструкции и архитектуре дольменов, например, усилилась роль контрфорсов и кернов.

Николаева, Сафронов 1974 – *Николаева Н. А., Сафронов В. А.* Происхождение дольменной культуры Северо-Западного Кавказа // Сообщения. М.: Научно-метод. совет по охране пам. культуры Министерства культуры СССР, 1974. Вып. 7. С. 175–194.

Резепкин 1987 – *Резепкин А. Д.* К интерпретации росписи из гробницы майкопской культуры близ станции Новосвободная // КСИА. 1987. Вып. 192. С. 26–33.

Резепкин 1988 – *Резепкин А. Д.* Типология мегалитических гробниц Западного Кавказа // Вопросы археологии Адыгеи. Майкоп: Адыгейский НИИ экономики, языка, литературы и истории, 1988. С. 156–163.

Резепкин 2012 – *Резепкин А. Д.* Новосвободненская культура (на основе материалов могильника «Клады»). СПб.: Нестор-История, 343 с. (Тр. ИИМК РАН. Т. 37).

Сизов 1889 – *Сизов В. И.* Восточное побережье Черного моря: Археологические экскурсии // МАК. 1889. Вып. 2. С. 1–182.

Сорохтин 1915 – *Сорохтин Г. Н.* Дольмены Черноморской губернии и Кубанской области // Познанский М. А. (ред.). Юбилейный сборник Крымско-Кавказского горного клуба. Одесса: Типография Н. Лемберга, 1915. С. 90–104.

Спицын 1927 – *Спицын А. А.* Разведки памятников материальной культуры: Пособие для краеведов. Л.: Центральное бюро краеведения, 1927. 142 с.

Тошев 2007 – *Тошев Г. Н.* Крым в эпоху бронзы. Запорожье: Изд-во Запорожского НУ, 2007. 304 с.

Трифонов 1991 – *Трифонов В. А.* Степное Прикубанье в эпоху энеолита–средней бронзы // Масон В. М. (ред.). Древние культуры Прикубанья. Л.: Наука, 1991. С. 92–166.

Трифонов 2009 – *Трифонов В. А.* Дольмены в долине реки Жане // Макаров Н. А. (ред.). АО 1991–2004 годов. Европейская Россия. М.: ИА РАН, 2009. С. 115–128.

Трифонов 2014 – *Трифонов В. А.* Западные пределы распространения майкопской культуры // Известия Самарского НЦ РАН. Самара, 2014. Т. 16, № 3. С. 276–284.

Уварова 1891 – *Уварова П. С.* Кавказ: Путевые заметки. Ч. 2: Абхазия, Аджария, Шавшетия, Посховский участок. М.: Высочайше утвержденное Товарищество Скоропечатни А. А. Левинсон, 1891. 324 с.

Уварова 1904 – *Уварова П. С.* Несколько дополнительных сведений по вопросу о кавказских дольменах // МАК. 1904. Вып. 9. С. 170–175.

Фелицын 1904 – *Фелицын Д. Е.* Западнокавказские дольмены // Там же. С. 1–86.

Формозов 1970 – *Формозов А. А.* Эпический сюжет в Причерноморском искусстве бронзового века // КСИА. 1970. Вып. 123. С. 48–50.

Формозов 1980 – *Формозов А. А.* Памятники первобытного искусства на территории СССР. М.: Наука, 1980. 135 с.

Цвинария 1990 – *Цвинария И. И.* Новые памятники дольменной культуры Абхазии. Тбилиси: Мещниереба, 1990. 78 с.

Шамотульский 1967 – *Шамотульский А. И.* Дольмены Черноморского побережья Кавказа // Шамотульский А. И. (ред.). Туапсе и Туапсинский район. Краснодар: Краснодарское книжное изд-во, 1967. С. 159–168.

Anthony 2007 – *Anthony D. W.* The Horse, the Wheel, and Language: How Bronze Age riders from the Eurasian steppe shaped the modern world. Princeton; Oxford: Princeton University Press, 2007. 553 p.

Castagné 1910 – *Castagné J.* Étude historique et comparative des statues babas des Steppes Kirghizes et de Russie en general // Bulletins et Mémoires de la Société d'anthropologie de Paris. 1910. VIe Série, tome I. P. 375–407.

Chantre 1885 – *Chantre E.* Recherches Anthropologiques dans le Caucase. Paris; Lyon: C. Reinwald, H. Georg, 1885. Т. 1. 93 p.

Hermet 1892 – *Hermet F.* Sculptures préhistoriques dans les deux cantons de Saint-Affrique et de Saint-Sernin (Aveyron) // Mémoire de la Société des Lettres, Sciences et Arts de l'Aveyron. 1892. Т. 14. 22 p.

Kendrick 1928 – *Kendrick T. D.* The Bailiwick of Guernesey. The archaeology of the Channel islands. London: Methuen and Co. L. T. D., 1928. Vol. 1. 273 p.

Mellory 1989 – *Mellory J. P.* In search of the Indo-Europeans: Language, Archaeology and Myth. London: Thames and Hudson Ltd, 1989. 288 p.

Rezepkin 2000 – *Rezepkin A. D.* Das frühbronzezeitliche Gräberfeld von Klady und die Majkop-Kultur in Nordwestkaukasien. Rahden/Westf.: Verlag Marie Leidorf GmbH, 2000. 76 S. (Archäologie in Eurasien. Bd. 10).

Tallgren 1934 – *Tallgren A. M.* Sur les monuments mégalithiques du Caucase occidental // Eurasia Septentrionalis Antiqua. Helsinki, 1934. Vol. 9. P. 1–45.

Telegin, Mallory 1994 – *Telegin D. Y., Mallory J. P.* The Anthropomorphic Stelae of the Ukraine: The Early Iconography of the Indo-Europeans. Washington D. C.: Institute for the Study of Man, 1994. 129 p. (Journal of Indo-European Studies Monograph. No 11).

Trifonov 2013 – *Trifonov V.* What distinguishes Caucasian megaliths from European ones? // S. Bergrbrant, S. Sabatini (eds.). *Counterpoint: Essays in Archaeology and Heritage Studies in Honour of Professor Kristian Kristiansen*. Oxford: Archaeopress, 2013. P. 321–328 (BAR. IS. No. 2508).

Trifonov et al. 2013 – *Trifonov V. A., Zaitseva G. I., van der Plicht J., Kraineva A. A., Sementsov A. A., Kazarmitsky A. A., Burova N. D., Rishko S. A.* Shepsi, the oldest dolmen with the port-hole slab in the Western Caucasus // *Radiocarbon*. 2013. Vol. 56, no. 2. P. 743–752.

Zaitseva et al. 2013 – *Zaitseva G. I., Trifonov V., Dergachev V. A.* Neolithic and Bronze Age cultures in the Western Caucasus and changes in Black sea level // *From the Caspian to Mediterranean: Environmental Change and Human Response during the Quaternary: Proceedings of International Geoscience programme IGCP 610 (2013–2017)* (Tbilisi, Georgia, 12–19 October 2013). Tbilisi: Institute of Earth Sciences of the Georgia Ilia State University, 2013. P. 177–179.

Literature

Анфимов 1982 – *Anfimov N. V.* Kurgany' rasskazy'vayut... (*Kurgans tell...*) Krasnodar: Krasnodar book publishers, 1982. 128 p. (in Russian).

Байерн 1871 – *Bayern F. S.* O drevniykh sooruzheniyah na Kavkaze (*About ancient constructions in the Caucasus*) // Zeidlitz N. (ed.). *Sbornik svedeniy o Kavkaze (Collection of facts about the Caucasus)*. Tiflis: Caucasian Statistical Committee, 1871. Vol. 1. P. 298–325 (in Russian).

Байерн 1882 – *Bayern F. S.* Zametki o razlichnogo roda mogilah, vstrechayusich'hsya na Kavkazskom peresheyke (*Notes on various kinds of graves found in the Caucasian isthmus*) // Bakradze D. Z., Weidenbaum E. G. (eds.). *Izvestiya Kavkazskogo obsch'estva istorii i arheologii (Transactions of the Caucasian Society of History and Archaeology)*. Tiflis: Printing-House of the Caucasian Main Executive Civil Officer's Headquarters, 1882. Vol. 1, issue 1. P. 10–23 (in Russian).

Берже 1875 – *Berge A. P.* Kavkaz v arheologicheskom otnosheni (*Caucasus from the archaeological point of view*) // *Zapiski obsch'estva lyubiteley kavkazskoy arheologii (Transactions of the Society of the Amateurs of Caucasian Archaeology)*. Tiflis: Printing-House of the Caucasian Governor's Headquarters, 1875. Book 1. P. 1–17 (in Russian).

Братченко 1976 – *Bratchenko S. N.* Nijnee Podon'e v e' pohu sredney bronzy' (*Lower Don region in the Middle Bronze Age*). Kiev: Naukova dumka, 1976. 251 p. (in Russian).

Власов 2000 – *Vlasov V. G.* Egiptskoe iskusstvo (*Egyptian art*) // *Big encyclopedic dictionary of fine arts*. St. Petersburg: LITA, 2000. Vol. 3. P. 15–34 (in Russian).

Воронов 1979 – *Voronov Yu. N.* Drevnosti Sochi i ego okrestnostey (*Antiquities of Sochi and its environs*). Krasnodar: Krasnodar book publishers, 1979. 112 p. (in Russian).

Гей 2008 – *Gei A. N.* Issledovanie dol'menny'kh pamyatnikov Zapadnogo Kavkaza v 2005–2007 gg. (*Studies of the West Caucasian dolmens in 2005–2007*) // Derevianko A. P., Makarov N. A. (eds.). *Proceedings of the II (XVIII) All-Russia Meeting of Archaeologists in Suzdal*. Moscow: Institute of Archaeology RAS, 2008. Vol. 1. P. 294–298 (in Russian).

Дмитриев 2007 – *Dmitriev A. V.* Vosstanovlenie dvuh dol'menny'kh kompleksov v verhov'yah reki Ozereyki (*Reconstruction of two dolmen complexes of the Early Bronze Age in the upper reaches of the Ozereika river*) // *Argonaut: Black Sea Historical Journal*. Novorossiysk, 2007. No. 1. P. 63–72 (in Russian).

Княшко 1979 – *Knyashko V. Ya.* Paralleli razvitiya pogrebal'ny'kh obryadov e' pohi ranney bronzy' v Priazov'e i na Zapadnom Kavkaze (*Parallels in the development of the Early Bronze Age funerary rites in the Azov Sea region and Western Caucasus*) // *Problemy' e' pohi bronzy' yuga Vostochnoy Evropy' (Problems of the Bronze Age in the south of East Europe)*: abstracts of conference papers (Donetsk, December 3–6, 1979). Donetsk: Donetsk State University, 1979. P. 49–50 (in Russian).

Кононенко 1988 – *Kononenko A. P.* Dol'menny'y kompleks bliz goroda Novorossiyska (*Dolmen complex near Novorossiysk*) // *Abstracts of papers presented at the XV Krupnov Readings on North Caucasian Archaeology*. Makhachkala: Karachay-Circassian Research Institute, 1988. P. 19–22 (in Russian).

Лавров 1960 – *Lavrov L. I.* Dol'meny' Severo-Zapadnogo Kavkaza (*Dolmens of Northwestern Caucasus*) // *Proceedings of the Abkhaz Institute for Language, Literature and History*. Sukhumi, 1960. Vol. 31. P. 101–178 (in Russian).

Лещенко 1931 – *Leshchenko A. F.* Materialy do ornamentiki dol'meni'v na pivnichno-zahidn'omu Kavkazi' (*Materials on the ornamentation of dolmens in the southwestern Caucasus*) // *Antropologia*. Kiev, 1931. Vol. 4 (1930). P. 237–263 (in Ukrainian).

Марковин 1973 – *Markovin V. I.* Sostavny'e dol'meny' s lojny'm svodom na Zapadnom Kavkaze (*Composite dolmens with a false vault in Western Caucasus*) // *Brief Communications of the Institute of Archaeology*. 1973. Vol. 134. P. 35–41 (in Russian).

Марковин 1978 – *Markovin V. I. Dol'meny' Zapadnogo Kavkaza (Dolmens of Western Caucasus)*. Moscow: Nauka, 1978. 328 p. (in Russian).

Марковин 1997 – *Markovin V. I. Dol'menny'e pamyatniki Prikuban'ya i Prichernomor'ya (Dolmen sites of the Kuban and Black Sea regions)*. Moscow: Institute of Archaeology RAS, 1997. 402 p. (in Russian).

Николаева, Сафронов 1974 – *Nikolaeva N. A., Safronov V. A. Proishozhdenie dol'mennoy kul'tury' Severo-Zapadnogo Kavkaza (Origin of the dolmen culture of Northwestern Caucasus) // Communications*. Moscow: Scientific Methodological Council for the Protection of Cultural Monuments, Ministry of Culture of the USSR, 1974. Vol. 7. P. 175–194 (in Russian).

Резепкин 1987 – *Rezepkin A. D. K interpretacii rospisi iz grobnicy' maykopskoy kul'tury' bliz stanicy' Novosvobodnaya (To the interpretation of the painting from the Maikop culture tomb near the village of Novosvobodnaya) // Brief Communications of the Institute of Archaeology*. 1987. Vol. 192. P. 26–33 (in Russian).

Резепкин 1988 – *Rezepkin A. D. Tipologiya megaliticheskikh grobnic Zapadnogo Kavkaza (Typology of the megalithic tombs of Western Caucasus) // Voprosy' arheologii Ady'gei (Questions of archaeology of Adygeya)*. Maikop: Adygeyan Research Institute for Economy, Language, Literature and History, 1988. P. 156–163 (in Russian).

Резепкин 2012 – *Rezepkin A. D. Novosvobodnenskaya kul'tura (na osnove materialov mogil'nika «Klady'») [Novosvobodnaya culture (with special reference to the materials of the Klady cemetery)]*. St. Petersburg: Nestor-Istoria, 2012. 344 p. (in Russian).

Сизов 1889 – *Sizov V. I. Vostochnoe poberej'e Chernogo morya: Arheologicheskie e'kskursii (Eastern shore of the Black Sea: Archaeological excursions) // Uvarova V. (ed.). Materials on the Archaeology of the Caucasus*. Moscow: Imperial Archaeological Society of Moscow, 1889. Vol. 2. P. 1–182 (in Russian).

Сорохтин 1915 – *Sorokhtin G. N. Dol'meny' Chernomorskoy gubernii i Kubanskoj oblasti (Dolmens of the Black Sea Province and Kuban Oblast) // Poznansky M. A. (ed.). Yubileyny'y sbornik Kry'msko-Kavkazskogo gornogo kluba (Jubilee volume of the Crimean-Caucasian Mountain Club)*. Odessa: N. Lemberg's printing-house, 1915. P. 90–104 (in Russian).

Спицын 1927 – *Spitsyn A. A. Razvedki pamyatnikov material'noy kul'tury': Posobie dlya kraevedov (Prospecting the monuments of material culture: Handbook for local lore students)*. Leningrad: Central Bureau of Local Studies, 1927. 142 p. (in Russian).

Тощев 2007 – *Toshchev G. N. Kry'm v e'pohu bronzy' (Crimea in the Bronze Age)*. Zaporozhie: Zaporozhie National University, 2007. 304 p. (in Russian).

Трифонов 1991 – *Trifonov V. A. Stepnoe Prikuban'e v e'pohu e'neolita–sredney bronzy' (Steppe Kuban in the Eneolithic–Middle Bronze period) // Masson V. M. (ed.). Drevnie kul'tury' Prikuban'ya (Ancient cultures of the Kuban region)*. Leningrad: Nauka, 1991. P. 92–166 (in Russian).

Трифонов 2009 – *Trifonov V. A. Dol'meny' v doline reki Jane (Dolmens in the Zhane river valley) // Makarov N. A. (ed.). Archaeological discoveries of 1991–2004*. European Russia. Moscow: Institute of Archaeology RAS, 2009. P. 115–128 (in Russian).

Трифонов 2014 – *Trifonov V. A. Zapadny'e predely' rasprostraneniya maykopskoy kul'tury' (Western limits of the Maikop culture area) // Proceedings of the Samara Scientific Center of RAS*. Samara, 2014. Vol. 16, no. 3. P. 276–284 (in Russian).

Уварова 1891 – *Uvarova P. S. Kavkaz: Putevy'e zametki. Ch. 2: Abhaziya, Adjariya, Shavshetiya, Poshovskiy uchastok (Caucasus: travel notes. Part 2: Abkhazia, Adzharia, Shavshetia, Poskhov precinct)*. Moscow: A. A. Levinson's Printing Company, 1891. 324 p. (in Russian).

Уварова 1904 – *Uvarova P. S. Neskol'ko dopolnitel'ny'h svedeniy po voprosu o kavkazskikh dol'menakh (Some additional data on the Caucasian dolmens) // Uvarova V. (ed.). Materials on the Archaeology of the Caucasus*. Moscow: Imperial Archaeological Society of Moscow, 1904. Vol. 9. P. 170–175 (in Russian).

Фелицын 1904 – *Felitsyn D. E. Zapadnokavkazskie dol'meny' (West Caucasian dolmens) // Ibid*. P. 1–86 (in Russian).

Формозов 1970 – *Formozov A. A. E'picheskiy suyet v Prichernomorskom iskusstve bronzovogo veka (An epic subject in the Black Sea art of the Bronze Age) // Brief Communications of the Institute of Archaeology*. 1970. Vol. 123. P. 48–50 (in Russian).

Формозов 1980 – *Formozov A. A. Pamyatniki pervoby'tnogo iskusstva na territorii SSSR (Monuments of prehistoric art on the territory of the USSR)*. Moscow: Nauka, 1980. 135 p. (in Russian).

Цвинария 1990 – *Tsvinaria I. I. Novy'e pamyatniki dol'mennoy kul'tury' Abhazii (New sites of the dolmen culture of Abkhazia)*. Tbilisi: Metsniereba, 1990. 78 p. (in Russian).

Шамотульский 1967 – *Shamotulsky A. I. Dol'meny' Chernomorskogo poberej'ya Kavkaza (Dolmens of the Caucasian Black Sea shore) // Shamotulsky A. I. (ed.). Tuapse i Tuapsinskiy rayon (Tuapse and Tuapse area)*. Krasnodar: Krasnodar book publishers, 1967. P. 159–168 (in Russian).

Anthony 2007 – *Anthony D. W.* The Horse, the Wheel, and Language: How Bronze Age riders from the Eurasian steppe shaped the modern world. Princeton; Oxford: Princeton University Press, 2007. 553 p.

Castagné 1910 – *Castagné J.* Étude historique et comparative des statues babas des Steppes Khirghizes et de Russie en general // *Bulletins et Mémoires de la Société d'anthropologie de Paris*. 1910. VIe Série, tome 1. P. 375–407.

Chantre 1885 – *Chantre E.* Recherches Anthropologiques dans le Caucase. Paris; Lyon: C. Reinwald, H. Georg, 1885. T. 1. 93 p.

Hermet 1892 – *Hermet F.* Sculptures préhistoriques dans les deux cantons de Saint-Affrique et de Saint-Sermin (Aveyron) // *Mémoire de la Société des Lettres, Sciences et Arts de l'Aveyron*. 1892. T. 14. 22 p.

Kendrick 1928 – *Kendrick T. D.* The Bailiwick of Guernsey. The archaeology of the Channel islands. London: Methuen and Co. L. T. D., 1928. Vol. 1. 273 p.

Mellory 1989 – *Mellory J. P.* In search of the Indo-Europeans: Language, Archaeology and Myth. London: Thames and Hudson Ltd, 1989. 288 p.

Rezepkin 2000 – *Rezepkin A. D.* Das frühbronzezeitliche Gräberfeld von Klady und die Majkop-Kultur in Nordwestkaukasien. Rahden/Westf.: Verlag Marie Leidorf GmbH, 2000. 76 S. (Archäologie in Eurasien. Bd. 10).

Tallgren 1934 – *Tallgren A. M.* Sur les monuments mégalithiques du Caucase occidental // *Eurasia Septentrionalis Antiqua*. Helsinki, 1934. Vol. 9. P. 1–45.

Telegin, Mallory 1994 – *Telegin D. Y., Mallory J. P.* The Anthropomorphic Stelae of the Ukraine: The Early Iconography of the Indo-Europeans. Washington D. C.: Institute for the Study of Man, 1994. 129 p. (Journal of Indo-European Studies Monograph. No 11).

Trifonov 2013 – *Trifonov V.* What distinguishes Caucasian megaliths from European ones? // S. Bergerbrant, S. Sabatini (eds.). Counterpoint: Essays in Archaeology and Heritage Studies in Honour of Professor Kristian Kristiansen. Oxford: Archaeopress, 2013. P. 321–328 (BAR. IS. No. 2508).

Trifonov et al. 2013 – *Trifonov V. A., Zaitseva G. I., van der Plicht J., Kraineva A. A., Sementsov A. A., Kazarnitsky A. A., Burova N. D., Rishko S. A.* Shepsi, the oldest dolmen with the port-hole slab in the Western Caucasus // *Radiocarbon*. 2013. Vol. 56, no. 2. P. 743–752.

Zaitseva et al. 2013 – *Zaitseva G. I., Trifonov V., Dergachev V. A.* Neolithic and Bronze Age cultures in the Western Caucasus and changes in Black sea level // *From the Caspian to Mediterranean: Environmental Change and Human Response during the Quaternary: Proceedings of International Geoscience programme IGCP 610 (2013–2017)* (Tbilisi, Georgia, 12–19 October 2013). Tbilisi: Institute of Earth Sciences of the Georgia Ilia State University, 2013. P. 177–179.

DZHUGBA DOLMEN ON THE CAUCASIAN BLACK SEA SHORE

V. A. Trifonov

The paper presents the main results of archaeological investigations of a unique dolmen with petroglyphs located in the modern settlement of Dzhubga (Tuapse district of the Krasnodar region (fig. 1). The works were started by IHMC RAS in 2006. The dolmen was named after its location (Dzhubga). As it has been established, the dolmen represents a megalithic burial chamber surrounded with an earthen bank and stone cairn with retaining wall. Its front is adjoined by a circular yard surrounded with a stone wall (fig. 2, 3). Charcoal samples from the layer of building waste were radiocarbon-dated to the second half of the III millennium BC (table). Thus, Dzhubga is the oldest example of building with the use of regular ashlar masonry, known in the western Caucasus and adjacent Black Sea areas. An architectural analogy to Dzhubga is the dolmen in the village of Otkhara (Abkhazia), situated 200 km away from it. The architectural details and building techniques, characteristic of these dolmens, are known throughout the whole distribution area of dolmens in Western Caucasus. This points to the local origins of this style, which appears to have been forming in the course of a long development of the West Caucasian megalithic tradition since the

end of the IV millennium BC. The anthropomorphic and zoomorphic petroglyphs on the walls of Dzhugba (fig. 3, 4) show a compositional and stylistic similarity to images on the stelae from Mountain Crimea and on the bronze hook from the dolmen near Novosvobodnaya (fig. 5). This implies that the stelae with images of «twins» were created and used in the second half of the IV–first half of the III millennium BC. During that period the Mountain Crimea and Western Caucasus were probably parts of the same cultural province. The anthropomorphic stelae of the western Mediterranean area, and those of Southern France in particular, did not belong to this cultural circle, and the assumption that the depiction on the stele from Les Maurels represents «twins» is erroneous.